

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 101(8)
DOI: 10.17223/1998863X/45/6

О.В. Боровкова

БЕССОБЫТИЙНАЯ ИСТОРИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОСТМОДЕРНИСТОВ

Рассматриваются проблемы, связанные с трансформациями, произошедшими в понимании соотношения исторического события и бессобытийной истории в постмодернизме. В рамках модернизма последняя выступала как чередование в рамках нормы, традиции, полагавшаяся противоположностью «событийной» истории. В постмодернизме она принимает совершенно иной вид. В качестве бессобытийной истории выступают симулякры, которые могут выглядеть как события, обладать их свойствами, но ими не являться.

Ключевые слова: событие, историческое событие, симулякр, бессобытийная история, постмодернизм.

Среди проблем исторического познания и исторической науки наиболее важными представляются проблемы исторического события и бессобытийной истории. Дискуссионные и не до конца разрешенные в эпоху модернизма, они получают совершенно новое звучание в постмодернизме.

Еще в рамках модернизма появилось некоторое недоверие к категории «историческое событие», основывающееся отчасти как на «отрыве» события от реальности, так и на том, что исторический процесс не составлен только из событий: они преимущественно обозначают изменения и выступают как вехи измерения. Поэтому в нем должно быть нечто, не являющееся событием. Если признать, что событие – это нечто, обозначающее изменение, нечто новое, то сразу возникает вопрос: что изменяется и по отношению к чему определяется новизна? Так в зоне внимания исследователей оказалась «бессобытийная история», получившая свое выражение в чередовании в рамках нормы, в традиции и др. (подробнее см.: [1]).

Эта проблема принимает совершенно иной вид в постмодернизме. Здесь «бессобытийность» истории не полагается фоном для событий. Более того, как сказал современный французский философ А. Бадью, «не все то, что меняется, есть событие». Как событие, полагает он, может выглядеть симулякр, который, обладая свойствами события (в том числе и исторического), все-таки им не является, так как не несет в себе «обещания истины», свойственного событию [2. С. 272]. Ж. Батай, в свою очередь, в работе «Внутренний опыт» отметил актуальность проблемы симулякров, заявив, что «властью симулякров определяется современность», симулякрами захвачены современное искусство (например, поп-арт), социальная жизнь, история и др. [3. С. 346].

Как содержание, так и сущность этого понятия довольно сложны в силу неоднородности социально-гуманитарного знания и долгой эволюции понятия, связанной с изменением представлений о природе реальности, ее значении для познания, ее достижимости и др., что предопределило различия в его толкованиях.

Считается, что термин «симулякр» ввел в оборот Платон. Им он обозначал «копию копии», т.е. образ вещи, которая, в свою очередь, является копией истинного бытия – мира идей. При этом симулякр не является сущностным подобием подлинника. Близкое платоновскому значение этого термина встречается у софистов, которые в своих произведениях говорили о призрачном подобии предметов – «фантастических» образах [4].

Одним из этапов развития содержания понятия можно назвать представление Аристотеля. Он выделил два способа мышления формы в образах. Первый способ – ощущение – предполагает наличие предметов, а второй – ум – нет [5. С. 395]. Предметом и содержанием ума являются только формы. Ум независим от реальных вещей, первичен по отношению к ним и «творит» вещи, мысля их. Такое понимание деятельности ума достаточно близко современному пониманию симулякров.

Демокрит, а затем и Эпикур создают теорию «истечений» внешней формы, что также подобно симулякрам Платона. Стоики различали представления и «призраки» – «то, что кажется нашим мыслям, как это бывает во сне» [6. С. 262].

В Средние века проблема симулякров получила свое воплощение в вопросе статуса человека по отношению к Богу. Человек, созданный как образ и подобие божие, после грехопадения утратил подобие, оставшись лишь образом – симуляцией.

Обобщив представления о симулякрах, Ж. Бодрийяр, как известно, вначале выделил три стадии развития содержания симулякров: первая – когда симулякр понимается как подделка, подражание действительности, маскирующая и извращающая реальность. Вторая стадия – когда маскируется отсутствие реальности. Третья (современность) – когда симулякры не имеют связи с внешней по отношению к ним реальностью, а соотносятся только со своей собственной реальностью. Поэтому Бодрийяр утверждает, что реальность утрачена, социальная система выступает как симуляция и единственной реальностью, является виртуальный мир, населенный симулякрами [7. С. 115].

Впоследствии, в своем произведении «Прозрачность зла», он добавил и четвертую стадию развития содержания симулякров, превращения знаков в симулякры. На этой стадии, которую Бодрийяр называет «фрактальной», «вирусной» или «стадией диффузии ценностей», симулякры не соответствуют ничему, даже собственной реальности, как это предполагалось на третьей стадии. «Добро, – пишет философ, – не располагается более по ту сторону зла, ничто не имеет определенного положения в системе абсцисс и ординат» [8]. Делез по этому поводу сказал, что симулякр содержит в себе несоответствие и несходство и создает не подобие, а лишь «эффект подобия». В свое время Платон, рассуждая в диалоге «Софист» о подобии как о сходстве образа, приводит пример того, как может проявиться этот эффект. Он вкладывает

в уста Чужеземца следующие слова: «Да ведь и волк походит на собаку, самое дикое существо – на самое кроткое» [4].

Симулякры не предполагают иерархии, все точки зрения равны, так как стирается различие между реальным и воображаемым. Им не свойственно никакое упорядочение – мир симулякров, по Делезу, – это разрушение «моделей и копий ради воцарения созидającego хаоса» [9. С. 346], это мир «торжествующей анархии» [Там же. С. 342]. Симулякр отрицает как оригинал, так и копию и не создает никакого нового основания, а напротив, разрушает всякое основание.

Симулякры содержат в себе угол зрения наблюдателя, и это приводит к тому, что «в точке наблюдения» могут происходить деформации и искажения, вызванные изменением его точки зрения. Это влечет за собой и деформацию симулякра [10. С. 49].

Проблема «наблюдателя» получила свое выражение и в рассуждениях французского философа Ж. Батая. Симулякр, полагает он, – это невыразимый, мистический «внутренний» опыт, воплощенный в произведениях искусства, слове и т.д., это выражение состояния души человека – страхи, тревоги, надежды, способы видения [3. С. 17].

Зачастую событие-симулякр может выглядеть как ложь или притворство, предпринимаемые для реализации каких-то своих целей. Но это не совсем так. Человек, например, хочет убедить других в том, что что-то имеет место, какие-то действия приводят к изменениям и др. Но он убеждает в этом не только других, но и себя, верит в существование несуществующего. Ж. Бодрийяр приводит слова известного французского энциклопедиста Э. Литтре: «Тот, кто прикидывается больным, может просто лечь в кровать и убеждать, что он болен. Тот, кто симулирует болезнь, вызывает у себя ее некоторые симптомы» [11. С. 17]. Отличием симуляции от притворства и лжи является то, что в последнем случае возникает противоположность реальности, сама реальность остается нетронутой и выявить разницу вполне возможно, она в результате очевидна. Но в случае симуляции все неоднозначно, – граница между «истинным» и «ложным», между «реальным» и «воображаемым» неопределенна. С одной стороны, нельзя считать здоровым того, у кого в наличии симптомы болезни, с другой стороны, весь «набор» симптомов может не совпадать с проявлением истинного заболевания. Истинность болезни невозможно установить. «Ведь если можно «вызвать» любой симптом и его нельзя трактовать как естественный факт, – пишет Бодрийяр, – то тогда любую болезнь можно рассматривать как такую, которую можно симулировать и которую симулируют, и медицина теряет свой смысл, поскольку знает только, как лечить «настоящие» болезни, исходя из их объективных причин» [11. С. 17]. Другими словами, симуляция не противопоставляется реальности, она стремится стать ею, чтобы, как пишет Бодрийяр, «спасти принцип реальности» [11. С. 17]. Симулякр – это действие ради действия, «обожествление принципа своего функционирования» [7. С. 9]. Не так важно, что происходит где-то и когда-то, – важны лишь внешние атрибуты (наличие различных формальных признаков, например документация, действия, не отражающие смысл реальности и др.). Они показывают то, чего нет, – истину, скрывающую, что ее нет, как сказал Ж. Бодрийяр [11. С. 17]. Не важно также, что происходи-

ло в прошлом. На самом деле имеет значение только то, что соответствует образу события, сложившемуся в соответствии с установками настоящего.

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что смысл понятия «симулякр» раскрывают следующие характеристики:

1. Симулякр не имитирует и не искажает оригинал, а отвергает, разрушает его, при этом производя подобие. Подобие выражается лишь во внешнем эффекте, так как в симулякре отсутствует сущностное сходство с предметом. Таким образом симулякр создает эффект реальности (Барт, Делез, Анкерсмит) или «гиперреальность» (Бодрийяр). Он выступает как пустая форма, которая может быть «натянута» на любое содержание, наполнена любым смыслом. Поэтому симулякрам свойственно отсутствие соответствия реальности.

2. Симулякры, разрушая образцы, порождают множество копий, в результате чего бывает невозможно понять, где копия, а где оригинал. Это невозможно еще и потому, что не существует критериев, которые позволили бы разделить их, построить иерархию.

3. В отличие от притворства, лжи, при которых возникает противоположность реальности, симуляция не предполагает противопоставления даже со своей собственной реальностью, границы между ними (симуляцией и реальностью) неопределимы.

4. В симулякре неизбежно присутствует наблюдатель со своим внутренним опытом и своей «точкой наблюдения». Можно сказать, что симулякр наполнен лишь смыслом, внесенным субъектом, который получает лишь свой собственный возвращенный, опыт, взгляд. Это свойственно даже «ранним» симулякрам или, вернее, их прообразам, зародившимся в теориях античных философов.

Данные свойства симулякра позволяют предположить, что симулякрами наполнена и наука. Прежде всего, как утверждают некоторые исследователи, бурное развитие наук сопровождается появлением наук-симулякров. Они могут изменять свой статус в зависимости от потребностей настоящего, то становясь лженауками, то внедряясь в ряд «настоящих» наук, приобретая практически все атрибуты (или симптомы, по Бодрийяру) научности. Некоторые из них «пользуются государственной поддержкой, не только в виде грантов, но и финансированием специализированных институтов» [13. С. 92].

Граница между «настоящей» наукой и наукой-симулякром неопределенна. Как мы видим, последняя не противостоит реальности, а пытается ею стать, войти в круг наук, имеющих дело с реальностью, как в плане исследовательской работы, так и в плане институализации. Эти «науки» обладают всеми атрибутами: от степеней наук (докторов парапсихологии, например) до собственной терминологии. Эти термины являются пустыми формами, которые порождают другие пустые формы. Живущие сами по себе, теряющие первоначальный смысл, они в результате могут наполняться любым содержанием. Более того, любая из существующих наук не защищена от проникновения симулякров в силу особенностей научного исследования. Более всего это касается социально-гуманитарной сферы.

Ж. Бодрийяр в своем произведении «Симулякры и симуляции», в главе «Рамсес, или Воскрешение в розовом», на примере этнологии пишет о том, что при исследовании происходит одно из двух: либо теряется объект, либо

гибнет наука (этнология). Когда исследователь вступает во взаимодействие с неизвестной или малоизвестной культурой, то производит «возмущение» в среде, нарушает уникальность, нетронутость. При контакте с исследователями-антропологами, утверждает Бодрийяр, «туземцы сразу как бы „рассыпались“, словно мумии на свежем воздухе» [11. С. 19]. Такой эффект был зафиксирован и философами жизни, отвергающими рационализм и утверждающими, что с помощью разума можно познать лишь мертвое.

Другими словами, при исследовании неизбежен деформирующий контакт с объектом изучения: для того чтобы изучить что-то, необходимо привести его в состояние, которое даст возможность изучения. Например, ученый-естественник для изучения клетки под микроскопом должен извлечь ее из своей среды, препарировать, деформировать и др. и изучать уже не саму клетку, а ее внешние проявления. В сфере социально-гуманитарных наук, в частности в этнологии, исследователь должен войти в контакт с представителями какой-либо культуры, трансформируя установки своей культуры, тем самым внося возмущение в объект исследования, радикально изменяя его. Изучение объекта может осуществляться только так, и только в этом случае наука может существовать. «Для того чтобы этнология продолжала жить, – пишет философ, – необходимо, чтобы умер ее объект, который, умирая, мстит за то, что его „открыли“, и своей смертью бросает вызов науке, которая пытается овладеть им» [11. С. 19]. Сохранение объекта возможно только в его полной нетронутости, но в этом случае не сможет состояться научное исследование. Сохраняя объект и его реальность, наука терпит поражение.

Что касается историографии, то здесь дело обстоит еще сложнее. Во-первых, историческая наука входит в сферу социально-гуманитарных наук и предполагает сложность, присущую миру людей, выражающуюся в многообразии мнений и представлений.

Во-вторых, историческая наука часто используется в идеологических целях, а историческое событие, как конструкт, содержит в себе внутренний опыт историка. Являясь конструкцией историка, историческое событие, «вписывается» им в совокупность конструкций языка истории. Необходимо заметить, что история – это языковая реальность, и она не может существовать иначе, поэтому отсутствие рассказа о событиях прошлого означает их несуществование. «Наблюдатель, – пишет Ж. Делез, – сам оказывается составной частью симулякра, который меняется и деформируется вместе с изменением точки зрения наблюдателя [10. С. 49].

В-третьих, историческая наука выделяется среди других тем, что является, по словам А. Про, работой «над временем» [14. С. 43]. Время – структурный элемент объекта исторической науки, который не пересекается с объектами ни естественных, ни гуманитарных наук. Время – это стержень, на который «нанизываются» исторические события. Это на первый взгляд отдаляет объект от разрушающего взгляда исследователя, но на самом деле предполагает возможность возникновения целого ряда симулякров, выделенных Бодрийяром. Сама природа исторических событий, прочно связанных с временем, предполагает появление симулякров различных уровней. Историческая реальность недостижима для непосредственного контакта, и поэтому исследователь, описывая реальные исторические события, условно говоря, опирается на источники, которые уже «подают» реальность, реальные исто-

рические события (зафиксированные фрагменты, предположительно имевшие место) с какой-либо точки зрения, уже создают приборное возмущение, включают симуляцию. В представлении Бодрийяра, это копии копий.

Свою «лепту» вносит и сам исследователь. Он, интерпретируя источники с позиции реалий своего времени, восприятия этих реалий и др., может опираться даже не на реалии, а на идеологию настоящего, преследуя далекие от науки цели. Таким образом появляется симулякр, который используется другими исследователями – интерпретаторами второго и последующих уровней, которые, в свою очередь, вносят возмущение в образы событий первого интерпретатора и т.д.

В результате этого, по мнению Дерриды и Делеза, происходит «истирание» события временем, знак и означаемое оказываются разделенными временным интервалом. В ходе применения знака в языке теряется связь с «происхождением», т.е. с обозначаемым референтом. В итоге «знак» уже указывает не столько на явление (предмет), сколько на его отсутствие и превращается в «след», который становится пространственно-временной закрепленностью различения. След не является знаком, отсылающим к чему-то предшествующему, т.е. он не определяется по отношению к нему ничем внешним, а обуславливается только своим собственным становлением [15. С. 403]. По мнению Ж. Делеза, симулякр как образ, лишенный подобия, живущий различием, проявляет свою сущность в вечном изменении, обретая при этом особую жизненную силу (Цит. по: [16. С. 67]).

Перечисленные особенности исторической науки позволяют предположить, что, будучи весьма уязвимой, она не застрахована от симуляций и внедрения симулякров, от появления событий-симулякров. Одним из выходов из данной ситуации является поиск различий между историческим событием и событием-симулякром.

1. Первое различие заключается в том, что создание симулякра в отличие от исторического события не преследует цели нахождения истины. Цель любого симулякра – «приспособленность» к чему-либо. Это свойственно как вещи-симулякру, так и симулякру, занявшему место события. Вещь в данном аспекте (в понимании постмодернистов) не результат реального труда, а «приспособленность одной (формы вещи) к другой (к человеческим формам), в которой реальные трудовые процессы более не играют своей основополагающей роли», – пишут Е.М. Курмелева и Л.Ю. Мещерякова [12. С. 33]. Такая вещь, с их точки зрения, «сподручна», является продолжением человеческого тела.

То же самое можно сказать и об историческом событии. Если в традициях модернизма главным полагалось выявление его смысла, то в постмодернизме его собственный смысл не важен, а важна степень его приспособленности к настоящему. Историческое событие – симулякр выступает как объект спроса. Бодрийяр для объяснения ситуации вводит понятие «прецессия». Это означает, что симулякры предшествуют реальному событию, а модели предопределяют реальный факт. В истории настоящее предшествует прошлому: в настоящем могут «отменяться» события прошлого, изменяться оценки и др. События, таким образом, создаются в настоящем и трансформируются в прошлое. Результат опережает события, которые должны привести к нему. Исторические события, таким образом,

«подгоняются» под желаемый результат, который может быть воплощением господствующей идеологии.

Цели тех, кто имеет дело с таким историческим событием, могут быть разнообразны. Это и выражение собственного внутреннего опыта (иногда мистического), и удовлетворение потребностей властных структур, элит и других инстанций. В последнем случае требуется разобраться в потребностях «заказчика», в его ценностно-смысловом отношении к действительности, в «языке» и др.

Возможность таких конструкций, «перестановок» обусловлена и тем, как уже упоминалось, что прошлое (реальное) – это лишь фрагменты, с которыми, по словам А. Чернуса, мы играем. Он пишет: «Наши образы всех исторических событий построены из симулякров. У нас много образов прошлого, особенно в ностальгических фильмах, которые зачастую очень популярны. Эти образы развлекают нас, заставляют нас чувствовать себя хорошо в настоящем. Они могут воспроизводиться бесконечно (как мокасины Покахонтас или модели «Титаника»). Но наши образы прошлого мало сообщают нам об истинном значении прошедшего, так как они и есть форменное настоящее» [17].

2. Для события-симулякра, в силу его сконструированности, смысл заранее предопределен. В этом случае осуществляется не поиск смысла события, а события для реализации уже заданного смысла. Как замечает И.В. Ким, «все события уже заранее вписаны в трактовки средств массовой информации» [18]. Он проводит различие между историческим событием в модернизме, где оно получало свой статус, подтверждая закономерность истории, и в постмодернизме, где событие становится историческим и «находит свое место в социальном пространстве, лишь вписываясь в его семантическое поле» [18]. Т.В. Закирова, В.В. Кашин также отмечают, что «места событий уже предуготовлены во все расширяющемся идеологическом фантазме» [19. С. 33]. Поэтому, как пишет словенский культуролог С. Жижек, критикуя бездуховность капиталистического мира, социальная жизнь приобрела черты инсценировки, спектакля: «...окончательная истина капиталистической утилитарной бездуховной вселенной состоит в дематериализации самой «реальной жизни», в превращении ее в призрачное шоу» [20. С. 22] Таким образом, смысл события-симулякра вполне ожидаем, так как он программируется и предопределен смысловыми парадигмами и идеологиями.

Неравнодушие к истории, возможность использования ее событий для политических и других манипуляций оборачиваются для нее самой тем, что создается поле образов исторических событий каждый из которых может быть привлекательным для того или иного субъекта познания в результате совпадения с его чаяниями, представлениями и др. И также любой из них может быть отвергнут кем-то. Образы прошлого, образы всех исторических событий, по мнению современного американского исследователя А. Чернуса, выражают лишь потребности и проблемы современного общества. Они не основаны на реальности, построены из симулякров и «не могут сказать нам ничего о том, как в настоящее время действительно относиться к реальности прошлого и будущего. Вместо этого они фактически отрезали нас от реального прошлого и будущего, потому что они дают нам такие удобные заменители» [17].

Ж. Бодрийяр, раскрывая смысл понятия, пишет, что «симулировать – это значит делать вид, что у вас есть то, чего вы не имеете» [11]. Перефразируя Бодрийяра, можно сказать, что историческое событие-симулякр – это то, что могло произойти, но на самом деле не произошло или его свершение неважно. Другими словами, это то, что не имеет под собой реального основания или это основание не имеет значения. Симуляция – это процесс, когда создается ситуация, в принципе имеющая место, но не в данном случае или не во всех случаях. Подобные события могли происходить или они «должны» происходить. Отсюда возможность их конструирования. «Все, что пропускается через информацию, становится предметом нескончаемой спекуляции». В своей работе «Войны в заливе не было» Ж. Бодрийяр пишет: «Война, превратившись в информацию, перестает быть реальной войной и становится войной виртуальной» [21. С. 33].

3. Ж. Бодрийяр считает, что функционирование средств массовой информации приводит к тому, что все события получают одинаковый статус. Это влечет за собой затруднения в разделении реальных событий и фантазий. С одной стороны, реальные события не интересуют и не впечатляют, так как фантазии интереснее. С другой стороны, действительные события, катастрофы воспринимаются как фантазии. Есть еще одна сторона, на которую указывает Бодрийяр: «Мы пребываем уже не в логике перехода возможного в действительное, но в гиперреалистической логике запугивания себя самого возможностью реального» [21. С. 33].

А. Чернус отметил, что, внедряясь в историю, симулякры нивелируют различие между событиями прошлого и настоящего, лишают его значения. «Никсон, Вэл Килмер, Джим Моррисон, парк Юрского периода – все это воспринимается как произошедшее в доисторическую эпоху» [17]. Образы будущего, по его мнению, еще более нереальны из-за того, что между прошлым и будущим утрачена реальная связь [17].

Утрата предопределена тем, что симулякры заняли место событий прошлого и возможного будущего, так как они призваны лишь удовлетворять потребности и решать проблемы современного общества. Природа прошлого и будущего, с одной стороны, и настоящего – с другой, полагается совершенно иной. Прошлое предстает как плоскость, на которой расположены события совершенно различных эпох, и совершенно неважна их последовательность во времени, а настоящее опирается на время, втягивая в него и события прошлого. Проблема усугубляется, как уже отмечалось, огромным влиянием средств массовой информации.

Кроме того, в данной ситуации трудно провести границу между событиями, происходящими в реальности, и теми, что являются результатом фантазии. Люди столько видят на экранах телевизоров, что то, что происходит в реальности, не впечатляет, не шокирует. «Для большинства из нас эти образы катастроф являются лишь фантазиями, – пишет А. Чернус, – они оказываются оторванными от повседневной жизни или какой-либо исторической реальности. Так что они легко превращаются в симулякры, лишенные смысла» [17].

Причиной однородности разноплановых событий, полагает И.В. Ким, является «разрастание семантического поля». В этой ситуации онтологическая ценность события нивелируется и он перемещается «в один ряд с тем,

что никогда не имело места. Становление симулякра снимает иерархичность событийности, смещает центр, а после и вовсе снимает его» [18].

4. В отличие от исторического события, обладающего качеством фиксированности в пространстве и времени, конкретности и особенности, выражающихся в наличии имени, в симулякре, как пишет Ж. Делез, «наличествует безумное становление, неограниченное становление... вечно иное становление, глубинное субверсивное становление, умеющее ускользнуть от равного, от предела, от Того же Самого или от Подобного: всегда и больше и меньше одновременно. Но никогда не столько же» [10. С. 50]. Содержание, положение события-симулякра может быть выражено в понятии «дифференциальность».

5. Событие-симулякр не затрагивает глубинные сущностные слои, а «происходит» на поверхности, создает иллюзию движения, изменений. Зачастую в отечественной историографии под идеологическим напором какой-либо период изображался как динамичный, наполненный событиями, предопределявшими движение вперед, но на деле в лучшем случае имел место застой, в худшем – движение назад, углубление противоречий и др. Возникает иллюзия движения реальности, на самом деле это лишь движение симулякров, когда есть симптомы, но нет события. Как полагает Бодрийяр, событием-симулякром скрывается отсутствие истины.

6. Логика исторического исследования предполагает, что чем больше информации «добывает» исследователь, тем яснее проступает смысл. То есть увеличение информации должно вскрывать все новые глубинные слои смысла. Но современный поток информации состоит из огромного количества копий и симулякров, которые беспрерывно множатся и уничтожают реальность. Поэтому возникает противоположная ситуация, выражающаяся в том, что рост количества информации приводит к уменьшению смысла. «В головокружительной бездне симулякров теряется любая подлинная модель», как пишет Делез [10. С. 49], а знания о мире представляются ненадежными и недостоверными.

7. Бодрийяр не раз отмечал, что средства массовой информации оказывают большое влияние на превращение событий в симулякры. В этом случае (относительно исторических событий) сталкиваются цели историка и журналиста. Цель историка – поиск истины, смысла, а цель журналиста – донесение информации до читателей и зрителей в наиболее привлекательном для них виде. Такой результат достигается в большей мере с помощью технических средств, способствующих эмоциональному восприятию. Как отмечает С.И. Сметанина, «документальная информация, пропущенная через технические эффекты, начинает восприниматься только эмоционально» [22. С. 42] и восприятие осуществляется через психику, а не через сознание.

8. Следующее отличие связано с отношениями субъекта и объекта. Исторические нарративы включают некоторые объекты и события, которые историк не может игнорировать, так как он, по Х. Уайту, должен учитывать те ограничения, которые накладываются существованием какого-либо события, явления или объекта (Цит. по: [23. С. 42]). Но сам рассказ возникает «в акте сугубо субъективного усилия», и мыслится он «как лишенный какого бы то ни было онтологического обеспечения» [24]. «Симптомы» – события, объекты исторического исследования присутствуют, но исследователь-субъект со-

здает свою картину истории. Является ли это ложью? Представляется, что нет, так как сам субъект, повествуя, трансформирует свою истину.

Событие-симулякр не предполагает таких ограничений, так как, по Делезу, субъект или «наблюдатель» является составной частью симулякра, и изменения его установок, мнений, точек зрения являются главными причинами деформации и изменения симулякра.

Таким образом, трансформации, коснувшиеся представлений о бессобытийной истории, весьма значительны. Изменяется как смысл понятия, так и содержание. События-симулякры, порожденные ею, обладают внешним сходством с событием, но не предполагают поиска истины – они приспособляются к потребностям настоящего. В этом случае их смысл предопределен, задан заранее, а они сами происходят на поверхности и создают иллюзию изменений и движения.

Литература

1. Боровкова О.В. Проблемы определения исторического события // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 46–50.
2. Бадью А. Тайная катастрофа : Конец государственной истины // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М. ; СПб., 2002. С. 269–289.
3. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб. : Аxioma/МИФРИЛ, 1997. 336 с.
4. Платон. Софист // Собр. соч. : в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 275–346.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; пер. М.Л. Гаспарова. 2-е изд. М. : Мысль, 1986. Кн. 7. 571 с.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
7. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла [Электронный ресурс]. URL: <http://knigosite.org/library/read/56152> (дата обращения: 24.12.2017).
8. Делез Ж. Логика смысла. Москва ; Екатеринбург, 1998.
9. Делез Ж. Платон и симулякр // Новое лит. обозрение. 1993. № 5.
10. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О.А. Печенкина. Тула, 2013. 204 с.
11. Курмелева Е.М., Мецержакова Л.Ю. Симулякр и общество в современной социальной теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2006. № 2. С. 31–46.
12. Емелин В.А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // Национальный психологический журнал. 2016. № 3(23). С. 86–97.
13. Про А. Двенадцать уроков по истории. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. 336 с.
14. Деррида Ж. Диссеминация / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. Екатеринбург, 2007. 608 с.
15. Елхова О.И. Онтологические аспекты виртуального времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 2 (8) : в 3 ч. Ч. 3. С. 65–68.
16. Chernus I. Fredrik Jameson's interpretation of postmodernism [Электронный ресурс]. URL: <http://spot.colorado.edu/~chernus/NewspaperColumns...> (дата обращения: 16.09.2018).
17. Ким И.В. Социальные симулякры и их исторические типы: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2008.
18. Закирова Т.В., Кашин В.В. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийяра // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 7 (143).
19. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. А. Смирного. М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
20. Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3.
21. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб. : Изд-во В.А. Михайлова, 2002. 383 с.
22. Evans R.J. The future of history // Prospect Magazine. Iss. 23 / October 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://prospectmagazine.co.uk/magazine/thefutureofhistory> (дата обращения: 16.09.2018).
23. Poster M. The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context. Cambridge, 1996. 136 p.

Olga V. Borovkova, Rubtsovsk Institute of Altai State University (Rubtsovsk, Russian Federation).

E-mail: o.v.borovkova@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 58–69.

DOI: 10.17223/1998863X/45/6

EVENTLESS HISTORY IN POSTMODERNIST VIEWS

Keywords: event; historical event; simulacrum; eventless history; postmodernism.

The article reviews the problems of changes in the understanding of historical events and eventless history in postmodernism. Changes were already outlined in the framework of modernism and were based on the notion that a historical event is “separated” from reality and it is, first of all, a construction of the subject. Changes were also based on the idea of the historical process that cannot be made up of events exclusively. Events only indicate changes and act as measurement milestones. Therefore, there must be something in the historical process that is not an event. In the researchers’ attention was the so-called “eventless history” which in modernism was an alternation within the norms and traditions, the opposite of “eventful” history. In postmodernism, eventless history has a completely different form. Simulacra are eventless history, they can look like events, possess their properties, but they are not events. Simulacrum events do not oppose historical events, but tend to take their place and even “become” them. With outer resemblance to events, simulacrum events occur on the surface and create the illusion of change and movement. Unlike historical events, they do not pursue the goal of finding the truth, their goal is adaptability to anything. This means that simulacra precede a real event, and models predetermine a real fact. In history, the present precedes the past: in the present, events of the past can be “canceled”, estimates can be changed, etc. Events, therefore, are created in the present and are transformed into the past. Historical events are “adjusted” to the desired result, which can be the embodiment of the dominant ideology. In this case, it is not the search for meaning of an event that is carried out, but fact-finding and event-designing in order to implement the already given meaning. An event whose meaning is predetermined does not need to be fixed in space and time, in concreteness and uniqueness. A feature of historical research is the search for information; more information helps to reveal the deep layers of meaning. But the modern flow of information consists of a large number of copies and simulacra, which leads to the opposite situation – an increase in the amount of information entails a reduction of meaning. This flow of information is partly the result of the activities of the media, which are at the same time a type of historical sources. A feature of the functioning of the media is the same status of events, which makes it difficult to separate real events and simulacra.

References

1. Borovkova, O.V. (2013) The problem of definition of the historical event. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 375. pp. 46–50. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/375/8
2. Badiou, A. (2002) *Taynaya katastrofa. Konets gosudarstvennoy istiny* [Secret catastrophe. The end of state truth]. In: Smatko, N.A. (ed.) *Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii RAN* [Almanac of the Russian-French Centre for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteyya. pp. 269–289.
3. Bataille, J. (1997) *Vnutrenniy opyt* [Internal Experience]. Translated from French by S.L. Fokin. St. Petersburg: Axioma/MIFRIL.
4. Plato. (1993) *Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Collected Works in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 275–346.
5. Diogenes Laërtius. (1986) *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Translated by M.L. Gasparov. 2nd ed. Moscow: Mysl'.
6. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Translated from French by S. Zenkin. Moscow: Dobrosvet.
7. Baudrillard, J. (n.d.) *Prozrachnost' zla* [Transparency of Evil]. [Online] Available from: <http://knigosite.org/library/read/56152>. (Accessed: 24th December 2017).
8. Deleuze, J. (1998) *Logika smysla* [The Logic of Meaning]. Translated from French. Moscow; Yekaterinburg: Raritet, Delovaya kniga.

9. Deleuze, J. (1993) Platon i simulyakr [Plato and Simulacrum]. *Novoye literaturnoye obozreniye*. 5.
10. Baudrillard, J. (2013) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation]. Translated from French by O.A. Pechenkin. Tula: [s.n.].
11. Kurmeleva, Ye.M. & Meshcheryakova, L.Yu. (2006) Simulyakr i obshchestvo v sovremennoy sotsial'noy teorii [Simulacrum and Society in Modern Social Theory]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta Druzhby narodov. Seriya: sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 2. pp. 31–46.
12. Emelin, V.A. (2016) Simulacra and virtualization technologies in information society. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal – National Psychological Journal*. 3(23). pp. 86–97. (In Russian). DOI: 10.11621/npj.2016.0312
13. Prost, A. (2000) *Dvenadsat' urokov po istorii* [Twelve Lessons on History]. Translated from French. Moscow: Russian State University for the Humanities.
14. Derrida, J. (2007) *Disseminatsiya* [Dissemination]. Translated from French by D.Yu. Kralechkin. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
15. Elkhova, O.I. (2011) Ontologicheskiye aspekty virtual'nogo vremeni [Ontological aspects of virtual time]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. 2(8). pp. 65–68.
16. Chernus, I. (n.d.) *Fredrik Jameson's interpretation of postmodernism*. [Online] Available from: <http://spot.colorado.edu/~chernus/NewspaperColumns...> (Accessed: 16th September 2018).
17. Kim, I.V. (2008) *Sotsial'nyye simulyakry i ikh istoricheskiye tipy* [Social simulacra and their historical types]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Ekaterinburg.
18. Zakirova, T.V. & Kashin, V.V. (2012) Kontseptsiya virtual'noy real'nosti Zhana Bodriyara [The concept of virtual reality by Jean Baudrillard]. *Vestnik OGU – Vestnik of Orenburg State University*. 7(143).
19. Zhizhek, S. (2002) *Dobro pozhalovat' v pustynyu Real'nogo* [Welcome to the desert of Real]. Translated from English by A. Smirnyy. Moscow: Fond “Pragmatika kul'tury”.
20. Baudrillard, J. (1994) Voyny v zalive ne bylo [There was no war in the Gulf]. *Khudozhestvennyy zhurnal*. 3.
21. Smetanina, S.I. (2002) *Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskkiye protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka)* [Media text in the system of culture (dynamic processes in the language and style of journalism of the end of the 20th century)]. St. Petersburg: V.A. Mikhaylov.
22. Evans, R.J. (1997) The future of history. *Prospect Magazine*. 23. [Online] Available from: <http://prospectmagazine.co.uk/magazine/thefutureofhistory>. (Accessed: 16th September 2018).
23. Poster, M. (1996) *The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context*. Cambridge: [s.n.].